

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

.....

Л. И. Никовская, В. Н. Якимец¹

В статье представлены результаты исследования, проведённого в 21 субъекте РФ с помощью нового инструмента для количественной оценки и мониторинга состояния публичной политики. Авторами было выявлено пять типов публичной политики в регионах. Исследование показало, что сложившийся моноцентричный режим привел к снижению роли публичной сферы и политики в современном политическом процессе как на федеральном уровне, так и на региональном. Без расширения качества и системности публичной политики невозможно вести речь о переходе к модернизации, а тем более к инновационному типу развития российского общества.

Ключевые слова: публичная политика, регионы, модернизация, власть, бизнес, некоммерческие организации (НКО), бюрократия, гражданское общество.

The article presents the results of a study conducted in 21 Russian Federation subjects with the help of a new tool for quantifying and monitoring of public policy. The authors identified five types of public policy in the regions. The study showed that the established one-center regime led to a decrease in the role of the public sphere and politics in the modern political process at the federal level and at the regional level. Without a quality and systemic public policy cannot talk about the transition to modernization, and especially to innovative type of development of Russian society.

Key words: public policy, regions, modernization, government, business, nonprofit organizations (NPOs), bureaucracy, civil society.

В нынешних условиях, когда заявлен курс на системную модернизацию страны, центральной становится проблема, какая политическая система окажется для ее осуществления более эффективной — либеральная автократия

¹ Никовская Лариса Игоревна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Эл. почта: nikovsky@inbox.ru

Якимец Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН. Эл. почта: iakim@isa.ru

Исследование реализовано при государственной поддержке в виде гранта Института общественного проектирования в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 16 марта 2009 г. № 160-рп «Об обеспечении в 2009 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества».

или демократия. Стоящие перед страной стратегические задачи по модернизации российского общества предполагают создание собственной российской модели «умной экономики», формирование национальной инновационной системы, переход к «обществу знаний», к инновационному типу развития. Все эти задачи невозможно решить, опираясь лишь на меры бюрократической мобилизации и одни лишь технократические усилия. Без включения в эти процессы потенциала общества, без развития творческой конкуренции идей и подходов, без реальной многопартийности любые самые позитивные импульсы сверху неизбежно будут наткнуться на объективные социально-экономические и политические ограничители. Именно поэтому необходимо проведение полноценной политической модернизации политической системы в направлении расширения принципов политической конкурентности, демократии и повышения качества народного представительства в органах власти и управления.

В условиях разворачивающихся системных изменений особенно важным становится институт обратной связи, позволяющей власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение, а населению верить в дееспособность института представительства интересов, в право и возможность влияния на принятие социально значимых решений. Все эти вопросы в той или иной мере составляют суть феномена публичной политики. Серьезная системная модернизация, как известно, не просто дает шанс новому или ранее маргинальному. Она должна сформировать устойчивый спрос на технологии отбора и селекции тех субъектов, которые формируют существо нового этапа. Но заранее сказать, какие это будут субъекты, невозможно. Именно поэтому необходимо дать равные возможности для более широкого круга сторон, чтобы быстрее произошел поиск и формирование новых субъектов роста.

Иными словами, развитие модернизации и национальной инновационной системы требуют диверсификации вертикали управления в сторону расширения действия принципов конкурентности, плюрализма, открытости, диалога, т.е. тех принципов, на которых основывает свою деятельность гражданское общество. Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнерству и консолидации во имя внедрения и стимулирования инноваций — один из важных критериев современного развития, важнейших ресурс преодоления технологической отсталости. На это, собственно, указали и авторы широко обсуждаемого в экспертной среде доклада ИНСОРа «Россия XXI в.: Образ желаемого завтра». Нынешняя модернизация предъявляет свои требования к политической системе страны:

— качественное государственное управление: компетентное, обеспечивающее выполнение базовых функций государства и предоставление обществу

базовых общественных благ, некорруптированное, прозрачное, ответственное и поддерживающее постоянную обратную связь с обществом;

— верховенство права, защита прав и свобод граждан, в том числе права собственности;

— обеспечение свободного развития каждого гражданина и групп граждан.

Такое государство, помимо всех прочих своих базовых функций, должно выступать арбитром и управляющим всеми конфликтами между плюралистическими интересами. Описанные черты желаемого общественного строя дают четкое его определение как демократии, причем демократии современной [3].

Думается, что именно институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе и призвано выступать условием и средством, позволяющим обществу формировать стратегическую повестку дня, создавать внутренние стимулы и ценности творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики.

Публичная политика во всем многообразии своего проявления представляет собой широкий круг процессов и явлений. Во-первых, это особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи *постбюрократической организации*, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, перехода от «логики учреждения» к «логике обслуживания», к развитию нового государственного менеджмента, исключающего жесткие вертикальные формы «господства-подчинения» (на это были нацелены все административные реформы, проводившиеся в современном мире в последнюю четверть XX в.). Во-вторых, активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений; в-третьих, разработка с общественным участием различного рода программ для решения в обществе возникающих проблем, а также социальные технологии их реализации; в-четвертых, она охватывает процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей частью симметрично, в диалоговом режиме.

В России политологические исследования, более или менее охватывающие сферу публичной политики, концентрируются преимущественно либо на общей теории политики, либо на политических технологиях, востребованных электоральной практикой. Редко встречаются исследования, посвященные методам формирования публичной политики, механизмам реализации публичной политики, учету интересов различных групп населения и т. п. И фактиче-

ски не представлены работы, в которых изучается весь цикл — формирование, реализация, оценка и коррекция публичной политики.

От организации публичной сферы и развитости ее ключевых институтов и механизмов в значительной мере зависит характер публичной политики. Публичная сфера — это своеобразный «инновационный инкубатор», позволяющий «свежей крови» новых социальных технологий:

- оптимизировать механизм взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества (развить межсекторное социальное партнерство);

- преодолевать с целью конструктивного реформирования застывшие государственные институты;

- подключать ресурс гражданских инициатив к формированию государственной политики и контролю над деятельностью власти.

Публичная сфера выполняет четыре важнейшие функции взаимодействия власти и общества в формировании политики, выражающей публичный интерес:

- 1) артикуляция общественных интересов;
- 2) публичный контроль деятельности власти и состояния дел в обществе, в государстве, в экономике, в социокультурной сфере;
- 3) влияние на формирование государственной политики;
- 4) политическое просвещение граждан.

Разработанный нами *новый инструмент для количественной оценки и мониторинга состояния публичной политики в регионах России* (далее — **ЯН-индекс**) [1; 2; 4; 5] строился на основе показателей, характеризующих состояние субъектов публичной сферы и степени развитости институтов и механизмов публичной политики. ЯН-индекс — составной. Он состоит из двух частных индексов, а именно: ЯН-индекса развитости субъектов публичной политики (оценивает развитость субъектов публичной сферы — представительной власти, исполнительной власти, НКО-сектора, бизнеса, партий, профсоюзов и пр.) и ЯН-индекса, характеризующего состояние институциональной инфраструктуры публичной политики (определяет степень открытости и демократичности ключевых институтов и процедур, касающихся систем и каналов участия граждан в публичной политике, таких, как выборы, верховенство закона, возможности ведения экономической деятельности, гражданский контроль и пр.).

В целом задачи расширения рамок и качества социально-политического представительства интересов полноценно могут осуществляться только в публичной сфере. Публичная сфера — это сфера диалога, общения, коммуникации, сфера договора с государством по общезначимым вопросам. Как только атрибут публичности начинает исчезать или ощутимо «уменьшаться», так сразу же на смену ему идут закрытость, коррумпированность, клановость и пр., каналы влияния на органы государственной власти монополизированы силь-

нейшими группами давления, а гражданские институты оказываются не в состоянии донести свои интересы до власть имущих.

Основная гипотеза нашего исследования состояла в том, что чем меньше развиты институты и субъекты публичной политики (далее — ПП), тем больше степень социальной напряженности и конфликтности в регионе, недовольства эффективностью государственного и муниципального управления, тем хуже показатели социального взаимодействия с основными активными группами региона и, соответственно, использования их потенциала для решения социально значимых проблем регионального сообщества в условиях кризиса. При конструктивном выстраивании ПП граждане должны не только воспринимать *правильность принимаемых сверху решений, но и быть подключены к поиску и реализации административных решений и иметь институциональные каналы для взаимного интенсивного обмена информацией, снятия напряжений и урегулирования конфликтных ситуаций.*

В условиях преодоления кризисных явлений и перехода к системной модернизации страны на принципах демократии и укоренения ее институтов очень важна такая функция публичной политики, как *налаживание диалога между социально значимыми субъектами общественно политического процесса*: властью, бизнесом, гражданскими организациями и самим населением, которое очень чувствительно реагирует на стремительное снижение общественного благосостояния. Расширение поля публичной политики может стать механизмом достижения консенсуса, т.е. общественного согласия, среди различных активных групп общества и власти по формированию и принятию той «повестки дня», которая будет способствовать выходу общества из кризиса и переходу его к новому качественному состоянию.

Вторым нашим предположением, которое проверялось в ходе исследования, было утверждение о том, что модель «управляемой демократии» в условиях кризиса и задач созидательной модернизации не только не оправдала себя, но и показала исчерпанность своих концептуальных и технологических возможностей и низкую их эффективность. Обрыв обратных связей и избыточная вертикализация системы политико-государственного управления способствуют лишь реализации модели бюрократической мобилизации, что характерно для догоняющего типа развития, экспансии административного начала властвования в «большую политику», нечувствительности к сигналам, идущим снизу и, как следствие, формированию высокого уровня социальной напряженности и конфликтности, сужению спектра горизонтальных связей и многообразия интересов, которые только и могут быть той основой, на которой начинают складываться условия и предпосылки формирования новых субъектов инновационного развития и посткризисного рывка. И самое главное — избыточная и жесткая вертикализация ведет к блокированию потенциала развития деловой и гражданской инициативы, что существенно тормозит

развитие социального и человеческого капитала в масштабах как региона, так и страны.

Третьим предположением проведенного исследования было то, что на характер и качество публичной политики в регионе существенное влияние оказывают *региональные особенности* социально-политических процессов, характер политико-государственного управления, сложившаяся политическая культура и реальная заинтересованность в развитии полноценного взаимодействия субъектов гражданского общества и власти, а также взаимная настроенность использовать обоюдный потенциал власти и гражданской и деловой инициативы.

Расчетные значения ЯН-индексов, гистограммы и «плоскостные портреты» публичной политики, полученные с помощью нашей методологии, информативны и очень наглядны. Ни в одной из трех проведенных фокус-групп представители трех секторов регионального сообщества — власти, бизнеса и НКО-сектора не опровергли полученных количественных оценок, более того, давая качественные интерпретации полученных результатов, они лишь подтвердили правоту и объективность представленных данных. По итогам проведенных фокус-групп было сформулировано общее мнение, что разработанный количественный инструмент — *ЯН-индекс* — позволяет наглядно сравнивать положение дел с развитием публичной политики и демократизации в разных субъектах РФ и внутри того или иного региона. Кроме того, используя разработанный инструмент, можно наладить систему мониторинга публичной политики в исследуемых регионах, постепенно охватывая и субрегиональный уровень.

В результате эмпирического опроса в 21 регионе России нами было выявлено пять типов публичной политики в регионах:

1) *регионы с консолидированными низкими оценками* — респонденты из 3 секторов *одинаково низко* оценили состояние ПП;

2) *центрированные регионы* — там, где *консолидированно* была дана *средняя оценка*;

3) *регионы с разрывами оценок* — оценки ПП респондентами из разных секторов характеризовались *значимым разрывом*;

4) *регионы с партнерскими отношениями между секторами* — респонденты, по крайней мере, из двух секторов дали *консолидированно высокие оценки* состояния ПП;

5) *регионы с неконсолидированными оценками ПП* — между оценками респондентов из разных секторов большие разрывы в зоне низких оценок.

К *первому типу* (рис. 1) относятся Республика Дагестан, Мурманская и Иркутская области и Республика Коми.

На экспертной сессии в Иркутске ее участники отмечали:

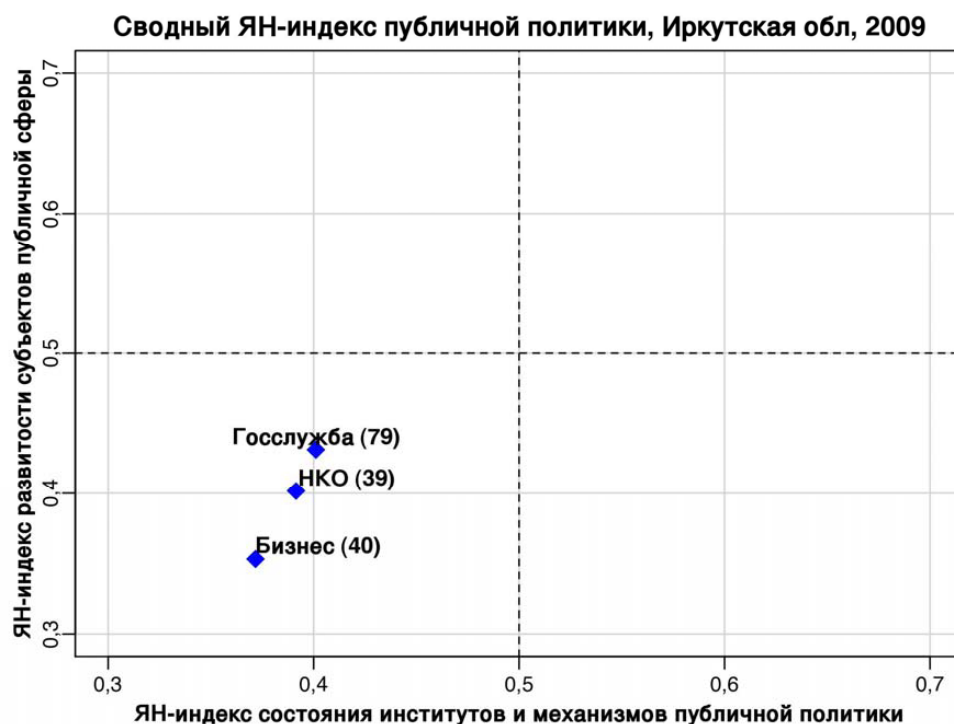

Рис. 1. Пример региона с консолидированными низкими оценками

НКО: «Сворачиваются партнерские отношения — прекращена деятельность Губернского собрания общественности, власть выдавливает НКО-сектор на обочину публичной политики».

Бизнес: «Власть давит и устрашает, бизнес в ответ не подчиняется законам, уходит от непомерных налогов, вынужденно участвует в коррупции».

Власть: «Мы не совсем удовлетворены: нормативно-правовая база не развита, институты и механизмы МСП слабы».

Второй тип (рис. 2) характерен для Ярославской, Нижегородской, Курской и Амурской областей и Алтайского края.

Мнения, высказанные на экспертной сессии в Курске:

НКО: «Полярные позиции отсутствуют, так как в публичной политике работает принцип золотой середины. Нет авторитаризма, нет и бурных волн».

Бизнес: «Нет особых барьеров для входа на уровень принятия решений. Власть поддерживает полезные начинания».

Власть: «В совокупности все три сектора гражданского общества работают неплохо и удовлетворены существующим балансом интересов».

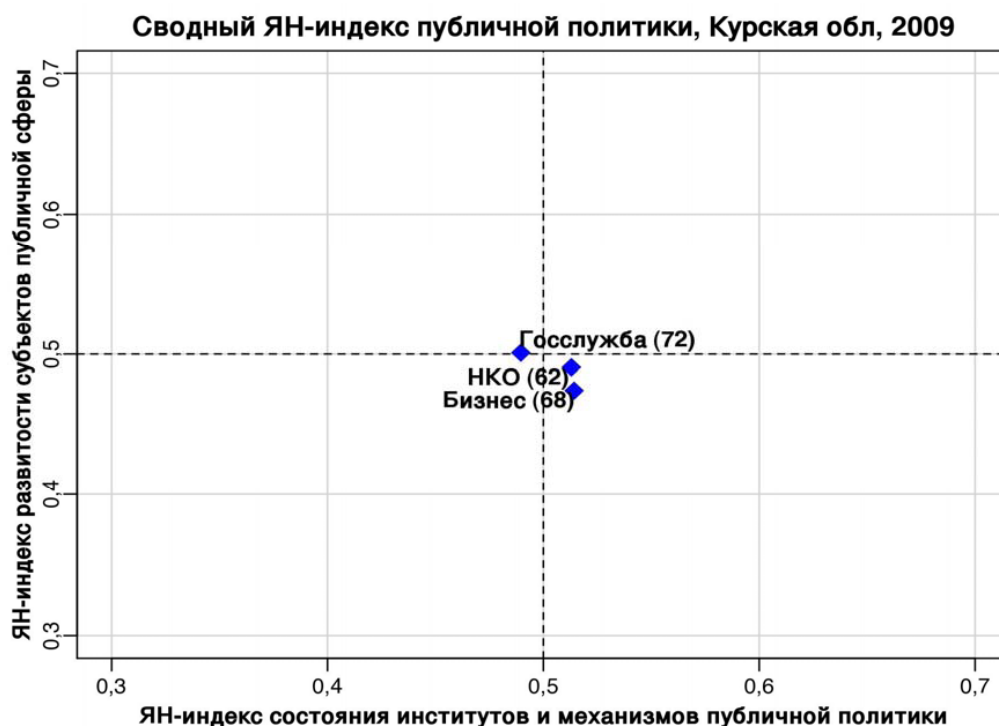

Рис. 2. Пример центрированного региона

Третий тип (рис. 3) выявлен в Пензенской, Архангельской и Тюменской областях, в Краснодарском крае, Республике Татарстан.

На экспертной сессии в Краснодаре отмечалось:

НКО: «В крае жесткая вертикаль власти, НКО выдавлены из процесса принятия решений: многие институты существуют номинально, имеют декоративный характер — Общественный совет по содействию развитию гражданского общества при Главе не очень активен, 3 года назад принят Закон о создании Общественной палаты края, но она так и не появилась».

Бизнес: «У нас неэффективны антикоррупционные законы, нет независимых судов, работают неформальные связи. Власть — закрытая корпорация, она оторвана от понимания интересов других групп».

Власть: «Третий сектор маргинален, формально всякие «Советы при...» не позволяют ему реально влиять на принятие решений. Признаем, что степень взаимодействия власти и НКО слабая, НКО играют формальную роль в ПП».

Четвертый тип — партнерский представлен на рис. 4. Сюда попали Новосибирская и Челябинская области, а также Республика Карелия.

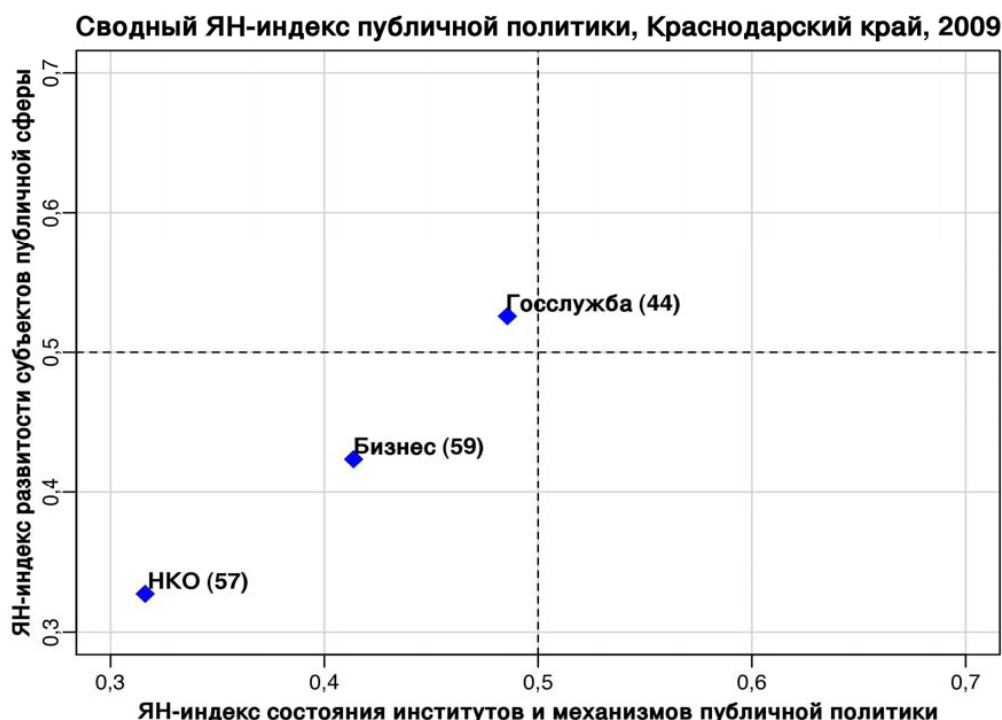

Рис. 3. Пример региона с разрывами оценок ПП

Мнения, высказанные на экспертной сессии в Петрозаводске:

НКО: «Власти привлекают НКО к решению вопросов социальной политики. В Конституции РК с 1993 г. за НКО закреплено право законодательной инициативы. Власть поддерживает трансграничное сотрудничество НКО со Скандинавскими странами».

Бизнес: «Из-за кризиса малый бизнес разоряется. Надеемся на усиление потенциала частно-государственного партнерства и на развитие взаимодействия между бизнес-ассоциациями и властью».

Власть: «РК настроена на развитие потенциала МСП. Мнение НКО важно при подготовке решений, это надо для верной расстановки приоритетов, выявления острых проблем и поиска правильных вариантов решения (справедливые, отвечающие ожиданиям общества)».

Пятый тип — это Хабаровский и Пермский края, Томская и Волгоградская области (рис. 5).

Здесь восприятие ПП респондентами из разных секторов характеризуется *большим разрывом в зоне низких оценок*. Видно, что оценки власти, находясь в нижнем квадранте, тем не менее доминируют над оценками двух других сек-

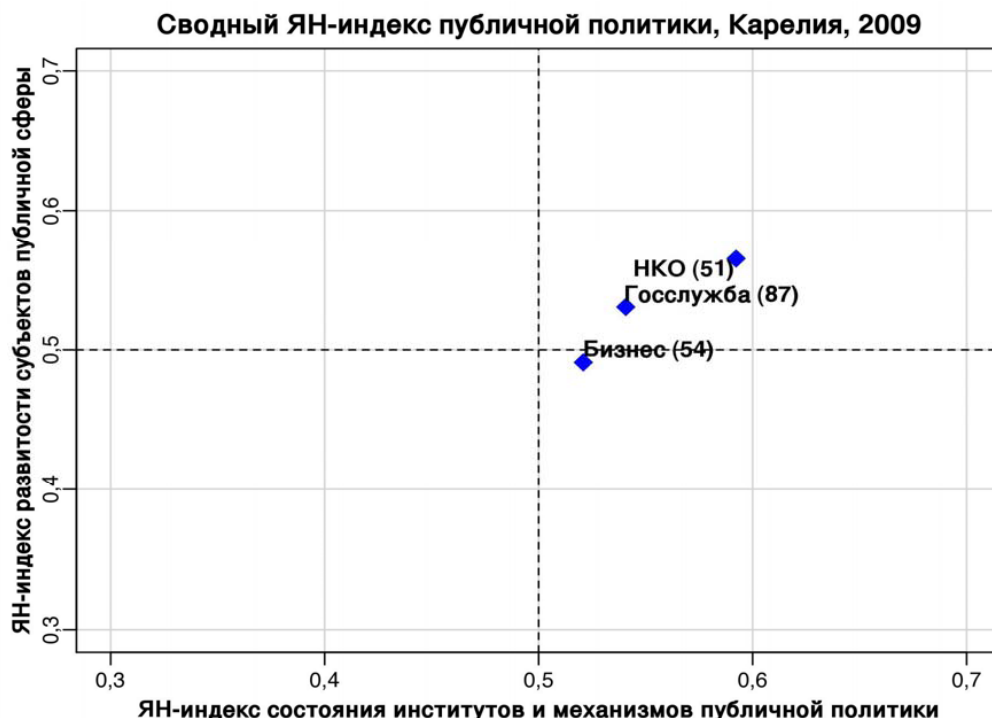

Рис. 4. Пример региона с партнерскими отношениями между секторами

торов. Из-за такого разрыва в восприятии ПП предконфликтная ситуация достаточно вероятна.

На рис. 6 даны межрегиональные сравнения оценок состояния ПП, сделанных бизнесменами, представителями органов власти и НКО.

То, что представители бизнеса всех исследуемых регионов ниже других секторов оценили состояние ПП, можно отнести к последствиям финансово-экономического кризиса. На экспертных сессиях с участием представителей малого и среднего предпринимательства говорилось о серьезных масштабах разорений и сворачивании бизнеса. Однако это не исчерпывающее объяснение. Сложившаяся система ПП в регионах оказалась негибкой, практически не учитывала потребности малого и среднего бизнеса при разработке антикризисных мер и не позволяла оперативно вносить коррективы в антикризисные программы.

Это усугублялось и действием коррупционных схем. Иными словами, малый и средний бизнес оказался один на один перед проблемами сокращения спроса, сложностями получения кредитов и не имел своевременной поддерж-

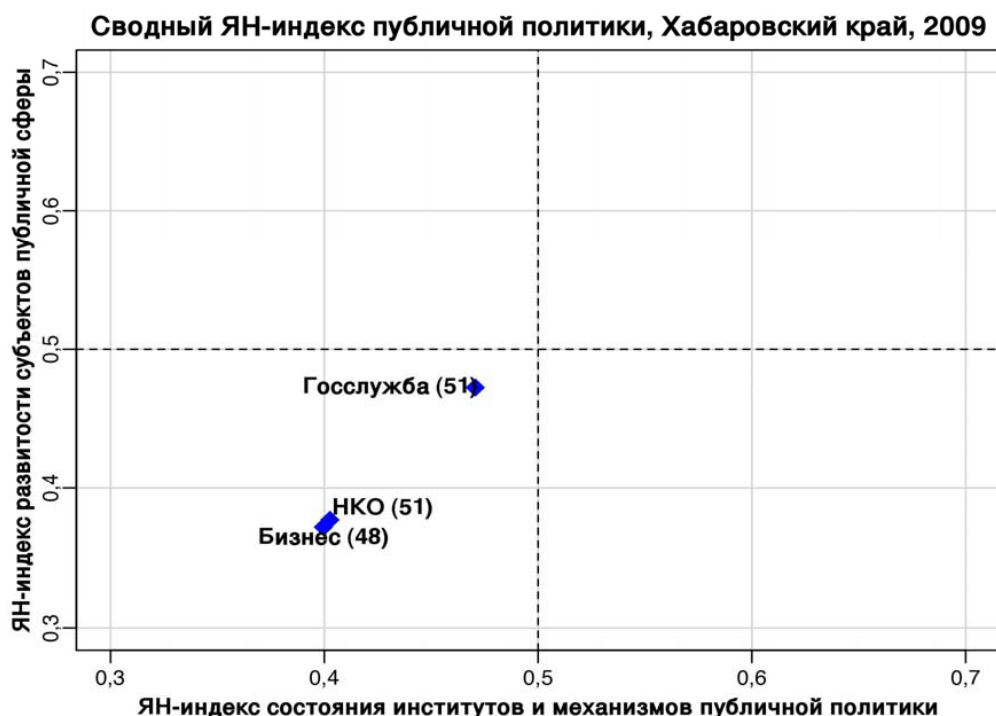

Рис. 5. Пример региона с неконсолидированными оценками ПП

ки со стороны власти. Это и предопределило более низкие оценки состояния ПП со стороны бизнесменов из разных регионов.

Чуть лучше выглядят оценки представителей НКО-сектора за счет небольшого числа регионов, где власти активно сотрудничают с НКО. В целом же эта картина межрегионального сравнения их оценок ПП не сильно отличается от оценок бизнеса.

По-иному выглядит межрегиональное сравнение оценок представителей власти. В ряде регионов они оптимистично оценивают состояние ПП, сильно отличаясь от мнений бизнеса и НКО. Что за этим стоит? Самодостаточность? Дистанцирование от общества? Или сознательное завышение своей роли в развитии ПП? Здесь нет общего знаменателя. В регионах, где выявлены сильные разрывы в оценках, скорее всего, преобладает намеренное завышение оценки. Не синдром ли это «потемкинских деревень»?

И наконец, еще один интересный результат, полученный в ходе анализа результатов оценки публичной политики в динамике.

На рис. 7 приведены данные расчета ЯН-индекса для Приморского края, полученные в ходе пилотажного исследования 2005 г., а также при проведении

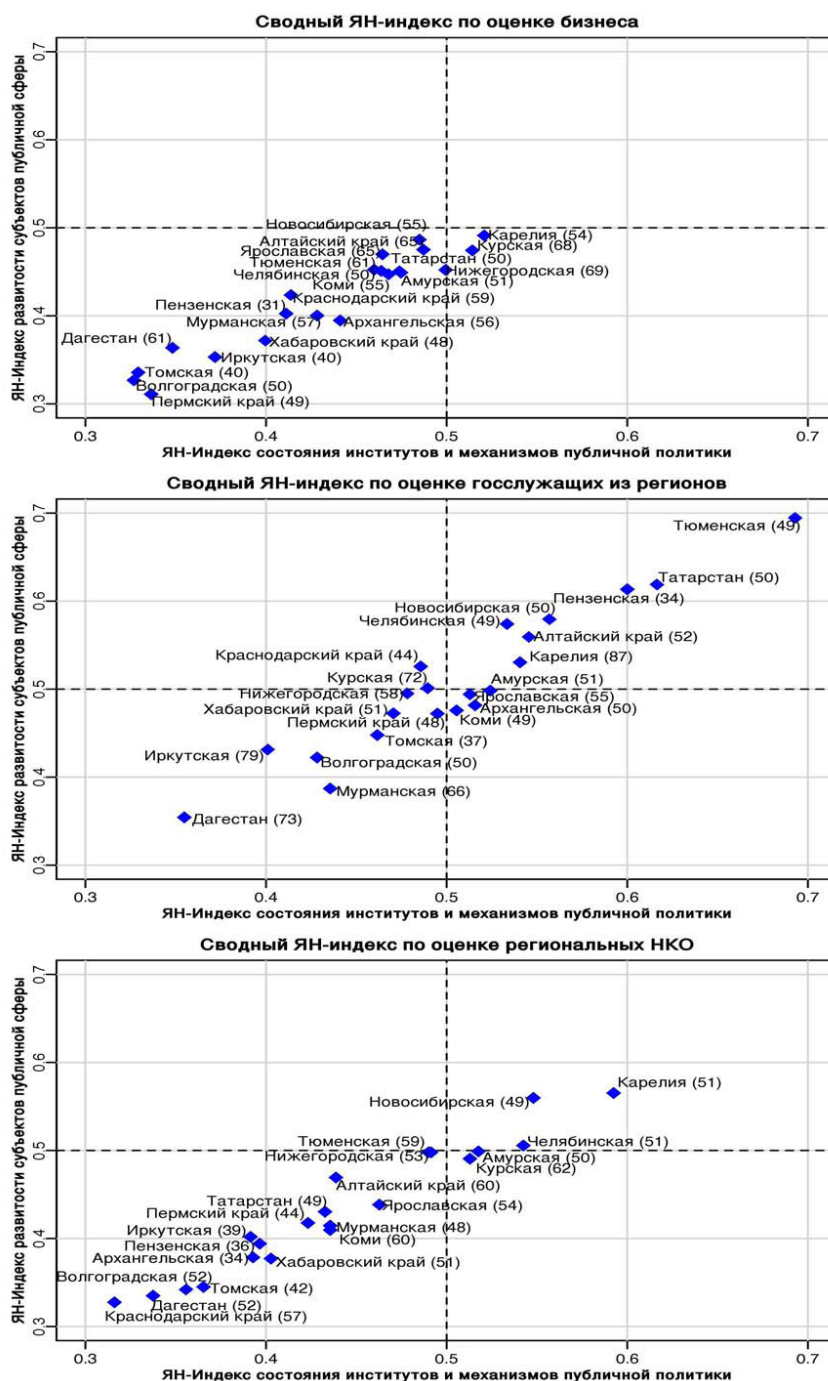

Рис. 6. Межрегиональное сравнение оценок ПП бизнесменами, представителями органов власти и НКО

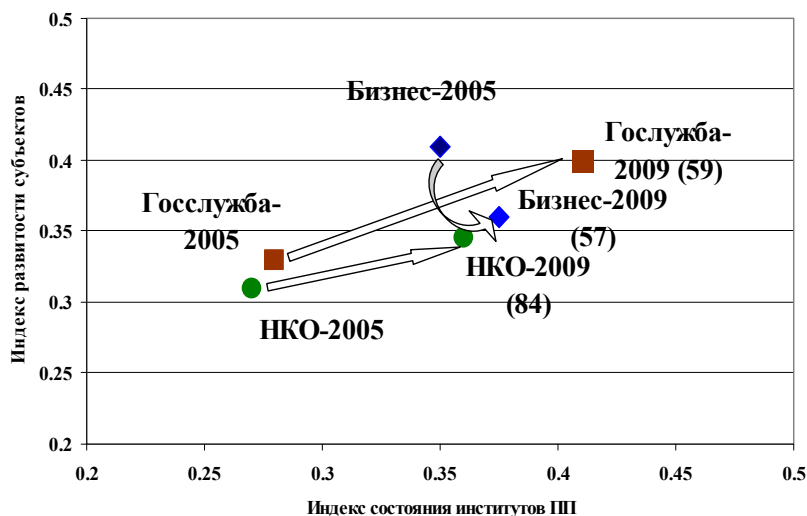

Рис. 7. Динамика изменения ЯН-индексов ПП в Приморском крае

масштабного исследования 2009 г. Нетрудно видеть, что результаты не только сопоставимы, но и хорошо интерпретируемы. В кризисном 2009 г. оценки бизнеса изменились существенно меньше, чем оценки госслужащих и НКО. Более того, индекс оценки деятельности субъектов публичной сферы понизился, это объясняется тем, что в период кризиса предприниматели имели слабую поддержку со стороны разных ветвей власти. Некоторое улучшение оценок бизнесменами состояния институтов публичной политики связано с тем, что за прошедшие годы деятельность ряда институтов была улучшена. Последнее нашло отражение и в том, что индекс состояния институтов по оценке НКО вырос на один пункт.

Наибольший прирост показал ЯН-индекс ПП, рассчитанный по результатам опроса госслужащих. Он вырос за 5 лет на 2 пункта. На наш взгляд, такой прирост — это излишне оптимистичная оценка, когда желаемое выдают за действительное.

Итак, исследование показало, что сложившийся моноцентричный режим привел к снижению роли публичной сферы и политики в современном политическом процессе как на федеральном уровне, так и на региональном. Продолжает сохраняться система принятия политических и социально значимых решений в режиме консультаций и «приводных ремней» при активном контроле государственно-административных структур. Но подобная практика конструирования публичной политики порождает опасность усиления бюрократического корпоративизма. Традиционное чиновничество не готово к постоянному диалогу с партнерами, которые пытаются войти в круг

общественных консультаций. Формирование государственной политики оно по-прежнему рассматривает как составную часть своих прерогатив. Участие внешних сил воспринимается как покушение на суверенную территорию исполнительной власти. Существующая система принятия решений демонстрирует устойчивую склонность превращать режим консультаций в декорацию традиционно бюрократической политики. Поэтому режим консультаций работает в той мере, в какой высшая политико-государственная власть заинтересована оказывать политическое давление на участников, принуждая их к лояльности и сотрудничеству. Многие перспективные общественные организации и структуры, не обладая надежными каналами представительства интересов и политическими связями, оказываются вне сферы «парадигмы согласования», которая пока все больше функционирует в духе бюрократически-элитистского корпоративизма.

А между тем новые вызовы общественного развития, обусловленные задачами перехода к системной модернизации, нацеливающей на формирование национальной инновационной системы, создают повышенный спрос на функции и услуги, связанные с экспертизой и консалтингом по публичной политике, поскольку только последняя позволяет «свежей крови» социальных инноваций взломать стагнирующий механизм «управляемой демократии». Отсюда потребность в поддержке со стороны гражданского общества, центров публичной политики, связанных с различными гражданскими и деловыми инициативами. В этом, видимо, кроется глубинный настрой государства поддерживать тот формат взаимодействия с гражданскими структурами, который в последнее время оформился в виде общественных обсуждений программных статей и обращений Президента РФ (пример публичной дискуссии вокруг его статьи «Россия, вперед!», подготовки последнего Послания Федеральному Собранию РФ). Иными словами, тот вариант стабильности и порядка, который вначале нынешнего десятилетия отвел Россию от края пропасти и минимизировал угрозы безопасности государства и общества, сегодня показал невысокий запас прочности и особенно развития, поскольку Путин так и не решил проблему российской бюрократии и ее экспансии в «большую политику». Именно поэтому политическая и экономическая стабилизация как безусловные и очевидные достижения путинской политики, сняв остроту проблемы безвластия и анархии, вернули мощь и уверенность бюрократическому классу в России, который в турбулентно развивающейся кризисной ситуации оказывается все более неэффективным, так как контролируемая сверху бюрократия не могла быть иной, кроме как традиционной, служащей не делу и закону, а лицам, преследующим собственные интересы. Сформировавшаяся «партия порядка» лишила себя «защиты от дурака» — политическая жизнь перестала своевременно получать подпитку снизу. Роль оппозиции была заранее сведена к нулю. В результате стала плохо выполняться функция представительства интересов. Узкий политический класс замкнулся сам на себя и «закапсулировался». Поэтому

симптомы кризисного развития не привели к росту голоса конструктивной политической оппозиции и политической публичной дискуссии. Нарастающее социально-политическое напряжение не канализировалось. И если в кризисные и штормовые 1990-е гг. ситуацию вытянул стихийно формирующийся, вопреки всем обстоятельствам, малый бизнес (люди шли в «челноки», создавали малые предприятия и пр.) и некоммерческий сектор, который решал проблемы самозанятости и микрокредитования (и хотя коррупция и криминалитет их прижимали, но они были несистемны). Сегодня малое предпринимательство и НКО-сектор фактически блокированы под административным прессом и уже системной коррупцией, поскольку проблема последней — это не «порча» государственного механизма, это уже сам механизм.

Но сегодня проблема стоит глубже — без расширения качества и системности публичной политики невозможно вести речь о переходе к модернизации, а тем более к инновационному типу развития российского общества. В принципе речь надо вести о создании условий для социальной инновации, т. е. тех новых форм и технологий общественной жизнедеятельности, которые способствовали социальной оптимизации общества и повышению качества жизни большинства людей. Поэтому представляется важным, чтобы в России как можно быстрее возникла полноценная среда, позволяющая реализовать эту функцию гражданского общества. Такая среда включает в себя науку (которая в контексте гражданского общества, как правило, вообще не упоминается), экспертную среду (которая без науки существовать не может), собственно НКО и такой важнейший институт, как независимые и квалифицированные средства массовой информации. Множественность политических лидеров и институтов гражданского общества — страховка от опасностей авторитаризма и тоталитаризма, преследующих как тень едва ли не любую крупную демократию и всегда возникающих перед глазами в периоды преодоления кризисов либо затяжных трудностей. Попросту говоря, ситуация требует срочного разворота к широкому общественному диалогу, декомпрессии политического режима. Требуется возврат к реальной демократии. Обществу необходимо вернуть веру в работоспособность политических механизмов воздействия на реальную власть, на процесс принятия социально значимых решений, а значит, и разделения ответственности за свое будущее между обществом и властью. Большая гибкость и социальная эластичность создаваемой системы делает общественную среду менее напряженной, вовремя разряжает скопившуюся деструктивную энергию, канализирует недовольство, а самое главное — дает пробиться новым росткам и трендам.

Библиографический список

1. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Антикризисный потенциал публичной политики: введение в проблему оценки ее состояния в регионах России // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 3.
2. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Политика. 2007. № 1.
3. Россия XXI века: образ желаемого завтра. URL: <http://www.riocenter.ru/ru>
4. *Якимец В.Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия. М.: РАПН, РОССПЭН, 2008.
5. *Якимец В.Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России // Труды ИСА РАН/под ред. А. П. Афанасьева. М.: КомКнига, 2006. Т. 25.